

Сессии Постоянного Международного алтаистического семинара (Permanent International Altaistic Conference, сокращенно — PIAC), существующего с 1958 г., стали неотъемлемой частью научно-организационной деятельности различных обществ, учреждений и отдельных специалистов, занимающихся проблемами филологии, истории и этнографии алтайских народов. Материалы сессий содержат ценную научную информацию по всем вопросам алтаистики и представляют интерес для широкого круга ученых, в том числе и советских. Нельзя не отметить в связи с этим, что почти весь алтайский мир находится в пределах СССР.

В «Вопросах языкознания» уже освещалась тематика первых 12 сессий, с 1958 по 1969 гг. [1]. Очевидно, в ближайшем будущем появится краткий обзор работы Семинара за период после 1969 г. Ниже мы излагаем содержание докладов, прочитанных на 25-й сессии PIAC в 1982 г. в Упсале (Швеция). Не все доклады имеют прямое отношение к языкознанию, и поэтому в ряде случаев казалось целесообразным ограничиться упоминанием их.

В статье И. Башгёза (Başgöz I. The name and society: a case study of personal names in Turkey, p. 1—14) подчеркнута необходимость исследования турецкой ономастики в связи с изучением общественной жизни, социальной среды, национальных и международных событий, обстоятельств частного порядка. Такая необходимость диктуется своеобразием конкретных условий. Автор рассматривает 482 имени и путем опроса родителей устанавливает причины их выбора, ср.: *Sabahat* от *sabah* «утро» (девочка родилась перед утром), *Aysel* от *ay* «луна» (девочка родилась в день прилуныния астронавтов), *Cezayir* (имя дано мальчику по названию любимой отцом мелодии) и т. д.

Дж. Боссон (Bosson J. It's springtime for 'Phags-pa!, p. 15—19) описывает памятник квадратного письма — китайскую печать 1326 г. с монгольской надписью. Квадратное письмо (*dörbeljin üsüg*) было создано в первой половине XIII в. по приказу Кубилай-кагана на основе тибетского алфавита. В настоящее время известно более двадцати текстов, написанных квадратным письмом. Значение их — в той фонетической информации, которую они дают о разговорном монгольском языке XIII—XIV вв. В статье приведен подробный список литературы, посвященной изучению указанных текстов (работы Н. Поппе, Э. Хенппа, Дж. Боссона, П. Аалто, П. Пелльо).

С. Булуч (Buluç S. Über einige phonetische und morphologische Besonderheiten der anatolischen Mundarten, S. 21—22) перечисляет фонетические и морфологические особенности анатолийских говоров. Особого внимания заслуживают изменения *ğ* и *g* в *v*, образование гортанного смычного (*glottal stop*) на месте *i*, спряжение начальных и других деспричастий. Примеры: *dağ/dav* «гора», *ağız/avız* «рот», *oğul/ovul* «сын», *bağla/bavla* «связывать, завязывать», *deg-dev* «каса́ться», *gitme/gi'me* «не уходи», *tutma/du'ma* «не держи», *gelelim* «с тех пор как я пришел», *geleliniz* «с тех пор как вы пришли». Ср. в азербайджанских говорах Ирака: *gêlincem* «до моего прихода», *vurduhcəm* «до тех пор пока я был».

Следующая статья (Chieh-hsien Ch'en. Manchu agriculture during the period of Nurhaci and Hong Taiji, p. 23—28) — о состоянии маньчжурской земледельческой культуры в XVI в. Характерной чертой ее в это время было, по мнению автора, сочетание с элементами кочевнического быта, постепенно исчезающими в XVII в. Здесь следует заметить, что оригинальная точка зрения на историю земледелия в Маньчжурии изложена в кандидатской диссертации В. С. Старикова, включающей в себя обстоятельный обзор соответствующей литературы [2].

Далее (Ching-lung Chen. A study of Turkic weapons, p. 29—35) описываются виды тюркского оружия и снаряжения в период правления танской династии и в более позднее время: *oq* «стрела», *sî-nîng* «копье», *yařınja* «копье», *yařıç* «наконечник стрелы», *yařıq* «панцирь, кольчуга», *kâdim* «одеяние; снаряжение», *tuq* «знамя», *yasuq* «чехол для лука» и т. д. Э. Эсин (Esin E. On the relationship between the iconography in Muslim Uyğur manuscripts and Buddhist Uyğur eschatology, p. 37—52) сообщает о результатах исследования буддийской иконографии с учетом ее переосмысления в условиях господства ислама.

Г.-В. Хауссиг (Haussig H.-W. Das Weiterleben des skythischen Weltbildes bei den altaischen Völkern, S. 53—62) пишет о пережитках скифских представлений о вселенной у алтайских народов.

В центре внимания Ф. Иза (Iz F. Atatürk and Turkish language reform, p. 63—72) — различные тенденции, проявившиеся в процессе формирования лексики современного турецкого языка, и языковая реформа, осуществление которой началось после 1932 г. Примечательны основные положения этой реформы, сыгравшие важную роль в последующем раз-

витии турецкого языка: 1) целостное, комплексное восприятие всех языковых проблем; 2) сбор и публикация устаревших турецких слов, использовавшихся в раннем османском языке и замененных позднее арабскими и персидскими словами; 3) сбор и публикация диалектизмов; 4) создание новых слов из тюркских корней при помощи тюркских аффиксов для понятий, не имеющих эквивалентов ни в старотурецком, ни в современном турецком языках; 5) разработка научной терминологии на турецкой основе; 6) передача информации об осуществляемых мероприятиях и проделанной работе писателям и широким массам населения.

Ю. Янхунен (Janhunen J. *The Tungus peoples and conquest of Siberia*, p. 73—77) указывает на роль русско-самодийских и русско-тунгусских контактов в наименовании ряда этнических групп Восточной Сибири. Продвигаясь на восток, русские вступали в контакты с разными народами и получали от них сведения о соседях, располагавшихся восточнее. Так, этноним *тунгус* был усвоен ими от самодийцев (ср.: ненецк. *tuŋgoq*, мн. ч. *tuŋgoŋq*), этноним *якут* — от эвенков (ср.: эвенк. *yākō*, *yākōdī* «якутский»), этноним *юкагир* — от эвенов (ср.: эвен. *юка ~ юко*) и т. д. Заключение Ю. Янхунена относительно происхождения этнонима *якут* в русском языке совпало с выводами некоторых якутских языковедов, указывающих, в частности, на то, что самоназвание якутов *саха* образовалось из эвенкийского *yākō* не вследствие перехода согласного *y* в *s*, а путем субституции: в якутском языке в начале слова *y* не встречается [3, 4].

В статье И. Матуза (Matuz J. *Was tut der uigurische Rabe?*, S. 79—80) уточняется перевод одной из фраз в уйгурском повествовании о принципах Кальянамкара и Папамкара.

Статья К. Г. Менгеса (Menges K. H. *The Ewenki-Tungus dialect of the Kemčük river, a dialect on the verge of its extinction*, p. 81—92) написана в виде краткого очерка фонетики и морфологии кемчугского говора эвенкийского языка по материалам К. М. Рычкова, собранным в первом десятилетии нынешнего века. К очерку приложены два небольших текста и фразы. Данная статья вместе с другой, опубликованной раньше [5], дает общее представление о говоре, который к настоящему времени в значительной мере утратил свои особенности. К сожалению, материалы К. М. Рычкова, хранящиеся в рукописном отделе ИВ АН СССР в Ленинграде, недостаточно известны советским тунгусоведам и до сих пор полностью не изучены. Упоминаются они, пожалуй, лишь в работах Г. М. Васильевич [6], поместившей в «Материалах по

эвенкийскому фольклору» [7] переводы нескольких эвенкийских сказок со ссылкой на публикации К. М. Рычкова в «Сибирском архиве» за 1913 (№ 12) и 1914 гг. (№ 11).

Р. А. Миллер (Miller R. A. *IE *ser-p-«sickle; hook» in Altaic*, p. 93—121), критически оценивая сведения, сообщаемые в статьях Вяч. Вс. Иванова [8] и О. Меншени-Хелфена [9], предлагает свое объяснение факта заимствования китайского *hsi-p'i* «серп» и его вариантов из и.-е. языков и затем прослеживает алтайские параллели и.-е. **ser-p-*.

А. Х. Наута (Nauta A. H. *Lambdazismus im Tschuwassischen: Gtu. š = Tschuw. l und š*, S. 123—144) отмечает отсутствие параллелизма между ротацизмом и ламбдаизмом и, не делая окончательных выводов, систематизирует соответствия общетюркскому *š* чувашских *l* и *š*. А. Х. Наута разделяет мнение Г. Барчи и Л. Лигети относительно вторичности, «анорганического» характера *l* в венгерских словах *bolcsó* «колыбель» и *gyumolcs* «яблодо, фрукт». Кстапи сказать, появление, «анорганических» согласных наблюдается и в тюркских языках [10].

В статье Д. Синора (Sinor D. *Some components of the civilization of the Türks. 6th to 8th century A. D.*, p. 145—159) высказывается мысль о гетерогенности этнического состава в тюркских каганатах (VI—VIII вв.) и о наличии разнородных элементов в культуре и языке как следствия стечения исключительных исторических обстоятельств. Свои суждения Д. Синор аргументирует ссылкой на существование нескольких систем пространственной ориентации, на особенности счета, на обилие титулов и имен не-тюркского происхождения, таких, как *šbāra*, *Bumīn-qayan*, *Istemi (Ištemi)-qayan*, *Nivar-qayan*, *Tonyuquq*, а также на свидетельствования китайских источников.

Дж. Стары (Stary G. *Der Mandschukaiser «Abahai». Ein Versuch zur Klärung einer Namensmystifikation*, S. 161—164) указывает на ошибочность использования имени Абахай для второго маньчжурского императора, сына Нурхаци — основателя маньчжурской династии, правившей в Китае с 1644 по 1911 гг.

В статье М. Тарар (Tatár M. *Tragic and stranger ongons among the Altaic peoples*, p. 165—171) рассматриваются некоторые атрибуты шаманизма у алтайских народов, в частности культ онгонов — шаманских божеств, духов-помощников шамана.

Э. Трыярски (Tryjarski E. *Towards a better knowledge of the Turkic military terminology*, p. 173—183), напоминая о сенсационной находке на Алтае в Монголии изображений вооруженных «тунгусских» вадников, призывает к тщательному изучению военной терминологи-

гни тюрк и в качестве материала, иллюстрирующего ее богатство, приводит наименования различных видов защитного снаряжения как из древних, так и из современных тюркских языков: др.-тюрк. *yarıg*, ст.-узб. *kohā, bāgtar, opēn*, куман., ног. *kube*, куман. *buiulūk*, алт. *quyaq*, кирг. *sōt, bađana*, узб. *sowut*, тур. *boqal* «панцирь, кольчуга; латы»; ст.-узб., тур. *qalqan* «щит»; ст.-узб. *dabulqa ~ dawulqa* «шлем» и т. д.

Г. П. Фитце (Vietze H.-P. Probleme der Umschreibung mongolischen Sprachmaterials, S. 185—189) в своей статье касается вопросов графической передачи монгольского языкового материала.

М. Ф. Вейдлич (Weidlich M. F. The element -логи versus судлаа, зүй in Modern Mongolian, p. 191—196) характеризует положение в современном монгольском языке на протяжении последних двадцати лет семи интернациональных терминов, оканчивающихся на элемент -логи (антропологи, зоологи, палеонтологи, психологи, социологи, физиологи, экологи), показывает их соотношение с соответствующими монгольскими словами и степень вытеснения последними. Автор приходит к выводу, что из слов, замещающих -логи в собственно монгольских эквивалентах, наиболее употребительным становится *судлаа*, ср.: антропологи (anthropology) = *хүн судлаа*.

И. Зимони (Zimonyi I. The first Mongol raid against the Volga-Bulgars, p. 197—204), сопоставив сведения из разных источников, уточняет время первого похода монголов под предводительством Субедея и Джебе против волжских болгаров, закончившегося их поражением (1223 г.).

Подводя итог сделанному выше обзору, необходимо сказать следующее. Современная алтаистика включает в себя многие дисциплины, и поэтому статьи в сборнике охватывают большой круг вопросов, почти не поддающихся систематизации. Даже собственно лингвистическая часть тематики настолько разнородна, что едва ли можно было бы определить ее основную направленность. Рассматриваются некоторые фонетические явления, излагаются результаты изучения различных групп лексик (собственные имена, этнические наименования, термины и т. д.), описываются особенности ряда говоров. Сделаны

предложения по графической передаче языкового материала. Далее, уделено внимание процессам формирования словарного состава современных языков в связи с тенденциями к активации собственных лексических средств. Несмотря на пестроту тематики, в рецензируемом сборнике ставится и решается вполне определенная задача: сплосковать дальнейшему раскрытию своеобразие так называемого алтайского ареала, ставшего местом взаимодействия не только разных языков, но и разных культур, религий, хозяйственных укладов. Можно не сомневаться, что сборник будет положительно оценен специалистами и явится полезным пособием для всех, кто занимается алтаистикой.

Щербак А. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербак А. М. Постоянный Международный алтаистический семинар // ВЯ. 1970. № 4.
2. Стариков В. С. Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии. (К истории земледелия на Дальнем Востоке): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1966.
3. Барашков П. П. О происхождении слов «саха» и «якут» // Полярная звезда. Якутск, 1977. № 4.
4. Барашков П. П. Фонетические особенности говоров якутского языка. Якутск, 1985. С. 6.
5. Menges K. H. Die ewenki-tungusischen Materialien von K. M. Ryčkov // UAJb. 1978. L.
6. Васильев Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. С. 60.
7. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. I / Сост. Васильев Г. М. Л., 1936. С. 263—267.
8. Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3—8 // Этимология. 1976. М., 1978. С. 159—160.
9. Maenchen-Helfen O. Are Chinese *hsi-p'i* and *kuo-lo* IE loan words? Language. 1945. 21.
10. Eckmann J. Kelime ortasinda anorganik b, p ve m'nin türemesi // Türkiye Mecmuası. 1953. X.